



ОЗЕРО

В СОСНАХ

АННА ТЕНЛЕЦКАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Тенлецкая

Озеро в соснах

«Автор»

2026

Тенлецкая А.

Озеро в соснах / А. Тенлецкая — «Автор», 2026

Я отказалась сражаться. Я не стала геройствовать. Я не позволила принести себя в жертву. Это история о том, как я оценила свою жизнь выше жизней других людей. Чужая семья, чужие стены, чужие судьбы — всё, что я успела узнать на своём пути. Обязательства, правила и границы — фундамент, методично сформированный в моём сознании требовательным окружением. Когда всё рухнуло, и я, оставшаяся в одиночестве, разбитая потерями, оказываюсь перед сложнейшим выбором в жизни, я впервые решаю нарушить все правила и последовать зову своего сердца. Чтобы отвоевать себя, мне предстоит превратить в руины навязанные идеалы и выстроить в их сердцевине прочную опору из новых ценностей. Это история о том, как, прожив половину жизни по чужим лекалам, найти в себе смелость нарисовать свою, пусть и неидеальную, карту и отправиться в путь, руководствуясь лишь своими звёздами. Это путь от долга — к выбору. От подчинения — к вызову. От жизни во имя чужих целей — к обретению собственного голоса!

© Тенлецкая А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анна Тенлецкая

Озеро в соснах

Введение

Удар. Я слышу громкий треск и скрип дерева, последовавший за моим падением. В глазах потемнело, а из лёгких выбило весь воздух. Отчаянно пытаюсь понять, где нахожусь, но не могу сделать даже вдох, чтобы дать телу очередную отсрочку от смерти. Голоса только что оживлённо разговаривавших людей слились в громкий беспорядочный гул. Кажется, небо над мной раскачивается. В поисках глотка воздуха я заставляю себя двигаться. Падение на выставленные перед собой руки отзывается острой болью в ладонях и запястьях. Благодаря удару грудью о брусчатку я возвращаю себе способность дышать и закашливаюсь, лёгкие обжигает отрывистый вздох. Ненасытно хватаю каждый глоток воздуха, развязываю шнурки кожаного жакета, открывая доступ кислороду, и наконец начинаю приходить в себя.

Мелкие капли холодного дождя, бьющие по лицу словно ледяные стрелы, отрезвляют. Моё тело лежит на сырой земле рядом с загруженной деревянной телегой, на которую оно имело неосторожность упасть с дозорной стены. Мне повезло. Падение могло стать причиной сломанной шеи или руки, но сломала я только лук. Я приподнимаюсь на локтях и вижу пылающие торговые лавки, жителей огромного старого замка Эрдман, пытающихся спастись бегством, и наряженных в сияющие доспехи всадников. Они безжалостно лишают жизни всех, кто сталкивается с их мечами. Шум хаоса, в который превратился мой город, накачивает меня злостью и путает мысли.

— *«Элс, вставай!»* — набатом звучит в голове мой собственный голос. *«Вставай немедленно!»*.

Я собираю силы и, упираясь ободранными ладонями о землю, слегка приподнимаюсь, а затем аккуратно сажусь на корточки. Скидываю груз сломанного лука, всё ещё скрываясь между телегой и каменной стеной, которой предназначалось защищать город от таких нападений, как это.

«Посчитать нападавших» — проскальзывает первая рациональная мысль, как тут же слух пререзает истошный, раздирающий душу крик, который я не спутала бы ни с каким другим. Жалобный, испуганный вопль — крик моей сестры, схваченной вражеским солдатом. Пугающе высокий мужчина тащит её на своём плече в сторону городских ворот, расположенных примерно в десяти метрах по левую руку от меня. Её светлые волосы, обычно заплетённые в красивую косу, теперь грязными прядями свисают над лицом, закрывая раны, кровь от которых пропитала её белую рубашку. Марния изо всех доступных ей сил старается вырваться из крепкой мужской хватки, но моя сестра — миниатюрная и нежная девушка, не способная никому причинить вреда. Шансов на спасение у неё очень мало.

Мгновенно меня сковывает страх, что упущу её из виду, потеряю. Разум наполняется пугающими образами, испуг колет глубоко в сердце, а я, защищаясь от этой боли, призываю на помощь всю известную мне ярость. Несколько неторопливых глубоких вздохов быстро дают мне ощутить кровь, бегущую по венам, как нечто обжигающее и сильное. Вместе с мурашками по коже она распространяет сквозь тело призыв к немедленному действию. Даёт мне силы для схватки. Короткий кинжал — единственное доступное сейчас оружие, малоэффективное против обмундированных воинов, но я хватаюсь за него как за спасительную надежду. Бесшумно поднимаюсь, проскальзываю в узком пространстве мимо стены и двигаюсь параллельно с похитителем Марнии. Люди снуют кто куда, и это помогает мне затеряться, позволяет приблизиться. К великану присоединяется ещё один солдат, прикрывая его отход из замка.

Я продолжаю продвигаться, огибая торговые ряды и расталкивая толпу, взглядом обшаривая поверхности в поисках другого оружия. Без него освобождение сестры кажется безрассудной попыткой покончить с собой. Медленно пересекаю улицу, сокращая расстояние между Марни и её шансами на смерть. Я верю в это. Хочу верить. Людей становится меньше, а мои передвижения заметнее. Нужно ускориться, пока солдаты не приблизились к воротам и не присоединились к своим «товарищам». Используя бесноватость редющей толпы и заминку солдат, решивших уделить время убийству наткнувшегося на них старика, подбегаю к похитителям и хватаю Марни за свисающую холодную руку. Тяну её вниз, с плеча солдата, сама в это время кинжалом стараюсь попасть в затылок урода, занятого стариком. Получается.

Марния почти падает, но руки похитителя смыкаются на её талии и тянут обратно. Мы остаёмся втроём. Взгляды двоих погибших, солдата и неудачливого горожанина, уставились в серое плачущее небо.

Чтобы защищаться и атаковать, громиле приходится отпустить сестру. Она мгновенно ползёт в мою сторону и прячется за моей спиной, рыдает, не в состоянии подняться с земли.

Солдат нападает. В его руках меч. Я отклоняюсь — я почти безоружна. Марния оценивает обстановку и отползает. Стараюсь сохранять положение щита между сестрой и этим преступником. Он улыбается, принимая мои действия за отчаянную попытку дать наследной принцессе сбежать, отдав за это свою жизнь. Солдат расслабляется, продолжает наступать, а я отступаю. Я ищу позицию для удара, в голове бегут просчёты, стараюсь предугадать его приёмы. Он двигается лениво, играет, как кошка с мышкой, а я жду. Мне нужен момент, и я создаю его. Открываюсь, сокращаю величину шагов моей капитуляции, даю доступ к левой стороне торса, и он не может отказаться от попытки решить конфликт одним ударом меча. Солдат замахивается, а я бросаюсь к нему в ноги и наношу удары в правое бедро, стараясь оказаться за его спиной, чтобы избежать контакта с оружием и это работает. Боль в союзе с доспехами замедляет вора настолько, что у меня есть время подняться и перерезать его горло.

Кровь, орошающая сырую брусчатку под ногами, приятного тёмно-гранатового цвета. Очень насыщенный оттенок. Такой насыщенный, что отмыть его со своих рук с каждым новым убийством становится всё сложнее. Мой кинжал видел некоторое количество смертей, но он не выглядел так, словно впитал в себя всю кровь, которую пролил, чего я не могла сказать о своих руках. Во взгляде солдата отразился страх и желание ухватиться за свою никчёмную жизнь ещё хотя бы на миг, но я не дала ему такой возможности и лёгким движением прекратила его попытки насладиться последними секундами своего существования.

Глава 1

Несмотря на холодный день и морозный воздух, что обдувал мои покрасневшие щеки, пот стекал с моего затылка и лба, пока я продолжала уворачиваться от попыток Талгеса обезоружить меня. Холод ещё напоминал об уходящей зиме, но природа вокруг начинала пробуждаться от спячки, чем мы с удовольствием воспользовались. Для сегодняшней тренировки, практически единственной на свежем воздухе за долгие месяцы снежной зимы, мы выбрали мечи потяжелее, чтобы к вечеру от усталости не ощущать ни рук, ни ног. Это был своеобразный способ гарантированно завершить сегодняшний торжественный прием, организованный моей матушкой Стелларией, на несколько часов раньше. Мы с Талгесом поддерживали дружбу и физическую форму друг друга много лет. Этот светловолосый мальчишка, на текущий момент, был одним из немногих людей, способных повалить меня на лопатки. Да, вы не ослышались.

Не поймите меня неправильно, мы, конечно, совершили несколько успешных попыток опробовать тела друг друга не только в поединке, но это совершенно не помешало нам сохранить дружбу. Виной тому, вероятно, мой ярлык «своей в доску», ведь мои интересы к сражениям и оружию, вынужденно приобретённые навыки воина всегда способствовали тому, что дружила я, преимущественно, с мальчишками. Дело не в том, что я не могла или не хотела дружить с девочками, я дружила, но мало времени проводила в кругу дам за вышивкой, сплетнями и выбором украшений, так как не всегда успевала совмещать чаепития с тренировками. Однако это не мешало мне сдружиться с моей названной сестрой Марнией, дружба с которой сформировала во мне не столько необходимость оберегать и защищать её, сколько желание.

Противник воспользовался моим секундным замешательством, вызванным разгулявшимися мыслями, и стал наступать с новой силой. Шаг за шагом, удар за ударом Талгес при помощи своего меча, именуемого «Фэнэс», притеснял меня к границам тренировочного круга, задумав одержать победу и выставить меня нарушительницей правил. Высокий звон металла — удара «Фэнэса» о мой «Тарис» — быстро вернул меня к реальности и заставил найти выход из невыгодного положения. При очередном замахе Тала мечом, я немного отпрыгиваю от удара вправо и делаю крупный шаг вперед. Поворачиваясь к нему спиной, я приближаюсь настолько, что практически касаюсь спиной груди противника. Затем уверенным и быстрым движением правой руки приставляю к боку Талгеса свой меч и, тяжело дыша, шепчу:

— Заканчивай...

Бой остановился, и мы оба замерли, жадно глотая воздух. Меч упирался прямо в бок противника чуть ниже подмышки и полностью блокировал его возможность нанести ответный удар. Его жакет из уплотнённой кожи создал бы некоторые препятствия для моего Тариса, но не смог бы его остановить. Я жду реакции друга, прислушиваясь к его движениям, но слышу только удары своего сердца. Секунды промедления стоят дорого, особенно в реальных битвах, а потому я не дала своему оппоненту дополнительного времени на раздумья и плотнее прижала оружие, надавив им под самое ребро.

— Не думай, что сможешь продолжить этот бой, Тал. Опускай свой меч, — уже серьёзнее сказала я.

В эту же секунду он схватил меня за живот, притянув к себе ещё ближе, совсем вплотную, и коленом надавил на внутренний сгиб моего — мы рухнули на землю, продолжая восстанавливать дыхание. Меч его с глухим стуком упал, а низкий рокот его голоса проник в мои уши:

— Ты слишком рискуешь своей жизнью, исполняя красивые па, Алессия...

Я выпустила оружие из рук, ощутив мелкую дрожь, пробежавшую по телу. Его рука всё ещё удерживала меня плотно прижатой к нему, а горячее прерывистое дыхание согревало мой затылок. Мой взгляд тем временем стал беспорядочно бегать, оглядывая пространство, но ни за что конкретно не цепляясь. Размышления затянули меня в свой водоворот. Талгес был прав,

этот выпад был слишком рискованным, и я посмела так поступить лишь потому, что понимала, **с кем** сражаюсь. Я проводила в тренировочных и настоящих поединках немало времени, мой учитель вложил в меня азы, сделав неплохим солдатом, и он всегда твердил мне три основных правила: «Никогда нельзя давать противнику шанса, недооценивать его и испытывать над ним превосходство». Сегодня я забыла о третьем правиле и потому этот бой был мною выигран, но одновременно бесповоротно провален.

Потратив несколько утренних часов на тренировки, что было для меня обычным явлением, я перешла к вещам, которые настигали меня не часто и удовольствия приносили меньше — подготовке к торжеству. Я уже перестала считать время, потраченное на превращение меня в нарядную принцессу, и рассеянно оглядывала свой наряд, размышляя о сегодняшнем праздничном приёме, сопровождаемом спектаклем артистов королевского театра Шандри и богатым ужином. По случаю дня весеннего равноденствия во всех северных землях континента проводится масштабный праздник, который знаменует начало сезона плодородия и земледелия. Зима проверяет людей на прочность голодом, холодом и коротким световым днём, многим приходится тяжело, поэтому наступление весны отмечается особенно широко. В последнюю неделю зимы у нас было принято щедро угощать близких и друзей блюдами, приготовленными из запасов на зиму. Столы северян в этот период ломились от изысканных блюд, вино и пиво текли рекой, укреплялись старые союзы и заключались новые. Обиды, накопившиеся за длительную зиму, было принято провозжать вместе с холодом, а тёплое лето и тёплое отношение — встретить с радостью и начать год с чистого листа. В землях Шандри и Лэхойзе этот праздник назывался Гиллиам, и мы были единственными, кто отмечал его. У ведьм в Эрессэе были свои богини и праздники, а Тэзия, в союзе с оккупированным ими Луинном, предпочитавшая праздновать буквально каждый восход солнца, отмечала смену сезонов четырежды в году. Было и ещё одно государство на карте нашего континента — Доргат, но об их традициях мне известно немного, и бывать там мне никогда не приходилось. Я слышала, что Доргат в силу своей молодости ещё не сформировал собственных традиций и жители придерживались знакомых с детства ритуалов, привитых на родине каждого. Я же, несмотря на то, что по крови являлась уроженкой ведьмино государства — Эрессэи, была рада отмечать Гиллиам, ведь свой родной край я покинула много лет назад. Нынче я имела везение жить очень обеспеченно, мой отец уже с десяток лет был Королем Шандри, поэтому с голодными зимами его семья давно распрощалась, однако так было не всегда и не всегда для них день весеннего равноденствия был просто праздником в дань старым традициям. Детство я, так же как и члены моей новой семьи, провела, будучи бедной девчонкой, всё время тратила на помощь матери по дому и в её лавке, но затем многое изменилось, и мое обеспечение полностью приняла на себя семья Блэксай. Несмотря на их внушительное состояние, тяжёлый труд мной никогда не считался зазорным, мне повезло найти отклик этой идеи и в моей новой семье: нам были близки проблемы жителей нашего города и страны, мы с удовольствием помогали всем, чем могли — найти работу, поддерживать жильё в хорошем состоянии, обучать и занимать детей полезными для общества делами. Короля Шандри и членов его семьи любил и уважал народ, нас не считали врагами, а за нашими спинами не отпускали злобных шуток. Этого удалось добиться благодаря честному и справедливому правлению моего отца — Романа. Моё уважение к родителям невозможно измерить известными человечеству величинами, равно как и любовь к ним и моей сестре Марнии. Именно эти чувства будут топливом для меня на сегодняшнем празднике. Какими бы благими ни были мотивы и причины его проведения, сам факт участия в торжестве, необходимость ведения учтивых бесед и бесконечное сидение за столом с нарядными придворными не увлекали меня.

— Ауч, Люси! — я вскрикнула от боли, сжавшей мои рёбра в тиски.

Люсильда была моей служанкой, доброй молодой девушкой с мягким характером, до того момента, пока я не выводила её из себя своевольными выходками или речами, неподобающими для молодой леди. В такие моменты, надо отметить, к Люсильде лучше было не подходить. Одним взглядом она умела пригвоздить меня к месту и заставить позабыть все ребяческие настроения. Люсильда была хороша собой, имела короткие, выющиеся белокурые волосы и милое личико. Большие и красивые голубые глаза, курносый носик. Если бы она родилась в благородной семье, отбоя от обеспеченных женихов она бы не имела. Я поймала в отражении стоявшего передо мной зеркала взгляд, заставивший меня замолчать:

— Тише, девочка, корсеты ещё никого не убивали, — прошептала она мне и продолжила затягивать это орудие пыток на моей талии.

После полутора часов, потраченных на сборы и приготовления моей персоны для демонстрации на празднике, Люси удалилась, передав наказание от матери явиться в зал для приема гостей в течение пятнадцати минут. У меня оставалось ещё пятнадцать минут на то, чтобы взглянуть на себя в зеркало и увидеть картину, которую видеть мне было тяжело, — разодетая в пух и прах, с макияжем и причёской молодая сестра наследницы земель Королевства. В тёмном отражении, поддерживаемом лишь тусклым светом нескольких свечей, на меня глядела Алессия Шандри, от которой общество ожидало достаточного терпения и мягкости, чтобы хватило выскочить замуж за именитого спутника. Молодая, но достаточно взрослая девушка для того, чтобы вступить в укрепляющий мирные отношения на континенте, брак.

Медленный вдох, осторожный выдох. *«Прогони эти мысли, Элс, пара часов и ты вернёшься в свои покои».*

Я оглядела в старинном красивом зеркале свой наряд и причёску: на мне было платье с неглубоким, но оголявшим плечи вырезом лодочкой и длинными облегающими рукавами. Нежный бархатный материал тёмно-бордового цвета впитывал в себя весь свет и лишь вкрапления вышивки шёлковой нитью на моей талии мерцали в отблеске свечей. Корсет хорошо выделил мою талию, а несколько юбок превратили мой силуэт в песочные часы. Хотя, вероятно, дело было не только в юбках, но и в ежедневных тренировках и жаловаться на свою фигуру ни в платье, ни в брючном костюме я не могла. Я часто слышала от придворных дам глупые реакции на комплименты: «О, Милорд, Вы приукрашиваете действительность, мой цвет глаз ничем не примечателен» или «Я так благодарна за Вашу честность, леди Алессия, но моя причёска не так хороша как Ваша». Сейчас я спокойно отношусь к индивидуальным чертам характеров разных людей, не люблю тратить время и силы на осуждение или оценку других и это результат, который дался мне нелегко. Я так много времени потратила на то, чтобы научиться быть честной с собой и людьми вокруг меня, на то, чтобы концентрироваться на себе и своей полезности. Спустя множество лет борьбы с самой собой, я наконец-то могу сказать, что полюбила себя и даже необходимость играть роль придворной дамы, делать лестные комплименты и принимать их. Девушки, отвечавшие яркой улыбкой и простой благодарностью на мою похвалу симпатизировали мне больше, таких при дворе удавалось встретить редко, отчего я всё чаще находила себя в компании мальчишек и с мечом в руке. В прекрасной (по мнению каждого второго мужчины при дворе), некогда нежной, а теперь мозолистой (по мнению меня самой) руке, которую я подняла к лицу, поправляя выющиеся пряди — Люси уложила их так, чтобы скрыть мои выраженные скулы, мужская черта, по её мнению. Я поправила заколку на затылке и оставила у лица лишь короткие тонкие пряди, теперь акцент был на моих глазах. Этот цвет. Многие целители пытались найти причину, по которой один глаз у меня был голубым, а второй карим. Причём радужка правого глаза была карей не полностью, а имела вкрапления и одно большое пятнышко голубого. Сколько слёз я пролила из-за этой особенности, теперь вспоминаю с улыбкой, но раньше... С детства меня дразнили за разный цвет глаз и сначала я привыкала к насмешкам, а затем начала верить в комплименты. Это оказалось намного проще и приятнее. Если верить в слова окружающих — так лучше в хорошие.

Я поняла, что чем сложнее человек, тем больше испытаний выпадает на его долю, это касается и внешности, и характера. Отстаивать свой необычный внешний вид, своё непопулярное мнение всегда сложно, но честь — это единственное, с чем мы приходим в этот мир и с чем имеем возможность уйти. Я повернулась боком и продолжила осматривать свой наряд, чёрные как смоль локоны падали на спину в подобии водопада, сдерживаемого лишь кроваво-красной заколкой на затылке. Камни, украшавшие её, — стигмарские тироны, дорогие и редкие, как и все подарки от моего отца. Будучи ребёнком, я могла лишь мечтать о таких дорогих нарядах из изысканных тканей, об украшениях, собственных покоях, а о том, чтобы стать членом королевской семьи, даже помыслить не могла. Мои родители Роман и Стеллария — тоже. Однако каждый житель Шандри считал, что они получили всё это, заслужив своим трудом, а я лишь внебрачный ребёнок, которого приютили по доброте душевной, а может, из чувства вины. Роман был моим отцом, но моей матерью была простолюдинка, и о моём существовании отец не знал до того, как мне исполнилось двадцать. Моя родная мать умерла при родах, и даже пожелай она рассказать Роману о случившемся, такой возможности у неё не было. Меня растила женщина по имени Эсет, которая к моему несчастью тоже скончалась и тогда Роман, единственный мне кровный родственник на всем континенте, взял меня под опеку. О нашем родстве стало известно благодаря Эсет, она была ведьмой, и несмотря на отсутствие магии, нашла моего настоящего отца и позаботилась о моём благополучии. От размышлений о пересудах о моём прошлом я вернулась к размышлениям об ожидавшем меня вечере. Сегодняшний праздничный приём отличался от остальных тем, что на него был приглашен король соседних земель — Лэхойза. К моему неудовольствию, у него имелось двое сыновей, которые, безусловно, появятся на сегодняшнем вечере. Атмосфера была торжественной, окружающие — в хорошем настроении, но внутри меня зарождалось предчувствие скорых перемен, неконтролируемая тревога поднимала голову и не желала исчезать. Разум подсказывал мне, что ориентироваться только на ощущения легкомысленно, но ведь иногда только чутье может спасти нас.

Вечер затягивался, все присутствующие гости в данный момент находились за столами, большая часть традиционных ритуалов, предназначенных выказать приветствие и уважение, была завершена. Мне отчаянно хотелось зевнуть, глаза начинали превращаться в узкие щёлки в попытках закрыться, но, хвала богам, Марния успела ткнуть меня локтем в бок.

— Посмотри на этого юношу, он весь вечер не сводит с тебя глаз, Элс, — проворковала моя сестрица.

— А по-моему, одним глазом он просто не в состоянии управлять, — ответила я, и мы зашлись смехом, который отчаянно пытались скрыть в сжатых перед лицом ладонях.

К нашему столу стали приближаться двое мужчин в сопровождении отцовского советника. Я перевела взгляд на папу, а он уже обратил свой взгляд ко мне, и в нём я прочитала уже знакомое мне: *«терпение, дорогая»*. Глубоко вздохнув, я со всеми членами своей семьи встала, приветствуя наших гостей, рядом с нашим столом уже оказался правитель земель Лехойза — Ролен Балдорф со своим старшим сыном Беррианом. Так эти мужчины были представлены нам советником Кропиром. Ролен был седовласым высоким мужчиной, с густой бородой и усами. На его голове покоилась корона, представляющая собой как бы перевернутую диадему, открытая часть её, не замыкающаяся в кольцо, находилась над его лицом. В золоте, из которого она была сделана, были отлиты тонкие ветви молодого дерева, таким образом, его корона являла собой символ подчиненной человеческими руками природы. Юлианна Блэксай, вложившая в моё обучение половину своего состояния, учила меня подмечать такие детали: они многое говорили о человеке. Почти столько же, сколько и редкая серебристая волчья шкура на плечах Ролена — очевидно, он ценил чужое одобрение и любил казаться исключительным, мелкие

косы в его длинной седой бороде с вплетёнными в них металлическими черепами — нежная угроза собеседнику, способному находиться на расстоянии вытянутой руки.

— Роман, Стеллария, — по-дружески обратился он к нашим родителям, — примите мои поздравления с этим замечательным праздником. Пусть материальное благополучие не покинет эти края, а год будет богатым на урожай.

Его глаза переместились на нас с сестрой, а Берриан взял на себя необходимость высказать детям правителя свое почтение:

— Леди Марния, леди Алессия, примите наши поздравления и позвольте заметить, как вы чудесно выглядите сегодня.

Берриан, хоть и был похож на своего отца, был одет скромнее и не пытался показать в каждой детали своего облика превосходство. Его до ледяного голубые глаза и так прекрасно справлялись с этой задачей, а посему ни сдержанная одежда из чёрной плотной кожи с набитыми на ней узорами, ни скромное количество драгоценностей на его пальцах не давали мне корректной картины о собеседнике. Берриан был молод, уверен в себе и его выражение лица лишь подтверждало моё мнение — снисходительность и высокомерие. Вот что пряталось за его комплиментами и визитом в наш дом. Между Лэхойзом и Шандри никогда не было крепкой дружбы, даже шаткого мира — на протяжении десятилетий после Халисира — падения свободной магии — была только скрытая вражда и открытое недолюбивание. Ещё некоторое время «вежливая» беседа продолжалась, затем отец вместе с советником и Балдорфами отправился в почетный круг по рассыпавшимся в зале гостям, забрав с собой маму и оставив нас с Марнией наедине за огромным столом. Без особой заинтересованности я наблюдала за праздником, развернувшимся в наших стенах. Слуги постарались на славу, Стеллария днями не отходила от них и контролировала каждый шаг, что в итоге вылилось в богато украшенный зал. Зал был заполнен нежными белыми и голубыми цветами Гевей, которые испускали прекрасный аромат, напоминающий мне запах миндаля. Красивые округлые лампы, размещённые по периметру зала, мягким светом подчеркивали блеск золота и бриллиантов на шеях прекрасных дам. Весёлая музыка лилась со сцены, размещённой в противоположном от нас конце зала, что не мешало ей быть слишком громкой на мой вкус. Радовало то, что она несколько заглушала болтовню наших гостей. Я любила жителей Шандри, честно, но не придворных. Этот тип людей в каждом королевском дворце был одинаков — меркантильность и жадность, прикрытые лицемерием. Осуждение, ярлыки — пожалуй, но я человек и далеко не идеальный. Мои мысли закрутились вокруг присутствующих гостей, выражения их лиц, языка тел. Тревога опять загудела в груди, и я попыталась найти причину её появления. Обстановка в зале была спокойной, не наблюдала я ни резких движений, ни слышала разговоров на повышенных тонах и стража была на своих местах, но что-то происходило, я ощущала это нутром. Я схватила сестру за руку и, убедившись, что отец пропал из поля зрения, потянула её за собой прямо к выходу на улицу. Мне необходим был свежий воздух. Мы незаметно обошли королевский обеденный стол и выскользнули в коридор, предназначенный для непредвиденных ситуаций.

— Элс, папа будет недоволен, что мы ушли с праздника, давай вернёмся, — бормотала за моей спиной Марни.

— Мы вернёмся очень быстро, просто немного проветримся.

Тяжёлая дверь, запертая на засов изнутри (пока там не появилась я), отворилась, и мы выпали на свежий воздух, с облегчением вздохнув. Перед нашими глазами открывался прекрасный вид на внутренний двор замка, засаженный яблонями и деревьями Харры с яркими оранжевыми плодами. Ещё более прекрасным двор делало отсутствие стражи. Этот факт облегчал дыхание стократно. Приобняв Марни за талию, я направила её внутрь территории двора. Мы с сестрой были совершенно разными, однако у нас были общие интересы. Светловолосая и мягкосердечная Марния любила людей и от души старалась помогать им, она планировала стать лекарем и много времени проводила за учёбой и благотворительностью. И я. Черноволо-

сая взбалмошная девчонка, внебрачный ребёнок, который своим появлением на свет чуть было не разрушил идиллию этой прекрасной семьи. Общение с людьми хоть и приносило удовольствие, но всегда стоило сил, которые мне приходилось долго восстанавливать. Жизнь сделала меня более жестокой, прямолинейной. Однако, пусть и по разным причинам, но мы обе любили тишину, уединение и покой, который способно подарить созерцание природы. Мы приблизились к фонтану, что находился на территории для семейного отдыха. Наш отец очень ценил семейные узы и много времени проводил с нами, несмотря на обилие обязанностей. Некоторое время мы с сестрой провели в полнейшей тишине, устроившись на траве рядом с фонтаном и ни ночной холодный воздух, ни темнота не могли заставить нас вернуться внутрь. Вода в фонтане тихонько журчала, лёгкие всплески пересекали водную гладь. Этот фонтан был древним, почти по всему периметру его украшала высокая стена из кустарника розы, заботливо посаженного матерью, а отец много рассказывал о значении этого объекта, своего рода семейной реликвии. Резьба на камне, из которого он был сделан — Дхага — отсылала в далекие времена, когда магия была сплось и рядом, когда сила человека была необузданной и почти такой же огромной, как сила природы. Красивые узоры не истёрлись за десятки, а может, и сотни лет, и фонтан по-прежнему привлекал внимание своей изысканностью. Рукой я провела по водной глади, желая ощутить обжигающий холод на пальцах; здесь, в Шандри, где зима длилась практически половину года, я смогла этот холод полюбить.

— Как хорошо, — выдохнула Марни. Я перевела на неё взгляд — мы с сестрой сидели рядом, но были далеко друг от друга, каждая в своих мыслях. Её мягкая натура наслаждалась близостью с природой и хоть и не любила нарушать правила, отказаться от прогулки не могла. Марния была воистину настоящей лесной феей.

— Да, — только и успела сказать я, как тишину разрезали тяжёлые шаги, приближающегося к нам Талгеса.

— Что вы здесь делаете?! — раздражённо спросил он, на лице читалось недовольство тем фактом, что две несносные дочери правителя портят ему караул. — Уходите, пока никто не увидел, как неучтиво вы поступаете с гостями двора, — продолжил свою воспитательную тираду Талгес.

Я не винила его за резкий тон и нотации. Для меня праздник был развлечением, для него — работой, без права на ошибку. Семья Талгеса гордилась тем, что он является защитником правителя, для простолюдина это звание было сложно получить, но как и для всех служивших в нашей армии — легко потерять. Его замечания заставили меня встать и отряхнуть платье, принять серьёзный вид и отправить сестру назад к гостям, ей я, конечно, пообещала своё скорое возвращение.

— Марнии будет достаточно на этом празднике, Тал. Я хочу ещё немного проветрить свои мысли, иначе меня ждет бессонная ночь, — сказала я Талгесу, используя самый спокойный тон голоса, который имелся в моём арсенале.

— Что, так плохо сидеть за переполненным яствами столом и притворяться, что тебе достаточно весело? — вдруг с новым оттенком резкости выдал мой друг. Я не ожидала услышать от него такие слова. Между нами никогда не возникало той пропасти, что часто могла разделять детей из семей с разным достатком. Мои заботы, конечно, для многих показались бы смехотворными, но кому, как не моему другу, знать, какой урон для моей личности наносят притворство и ношение масок.

— Ты знаешь меня много лет, Талгес, и для тебя не должно быть тайной, что я с большим удовольствием стояла бы в дозоре, чем ужинала с этими напыщенными придурками, — ответила я, подходя почти вплотную. Я взглянула ему прямо в глаза, чтобы оценить, как он настроен и как отреагировал на мои слова, но, кажется, они его нисколько не убедили, и я продолжила:

— А если тебе вдруг стала неприятна моя компания, то у тебя есть язык и яйца, чтобы сообщить мне об этом или я ошибаюсь?!

Талгес резко вздохнул и напряг челюсти, он очень злился, но я искренне не понимала на что он злился **так сильно**. Ещё некоторое время продолжался наш поединок взглядами, но, не услышав ответа на свой вопрос, я оставила друга в одиночестве, подумать над сказанным нами обоими, и направилась в самый центр сада. Вместо желанного опустошения в моей голове зароились мысли. Если даже мой друг считает меня легкомысленной и беззаботной дурочкой, то так ли далеко я ушла от того образа жизни, что мне претит? Иногда я позволяла себе помечтать. Я представляла, что меня не забрали из моего родного города, не сообщали, что Эсет, ставшая для меня второй матерью, осуждена и будет казнена за измену. Представляла, что все мои заботы касались бы взращивания и уборки урожая, охоты, торговли в лавке матери. Как тогда сложилась бы моя жизнь? Какое будущее ждало бы меня? Свобода, брак по любви? Я прыснула со смеху. Скорее я мечтала бы об обратном, о том, что имеет моя семья сейчас, и молилась бы богам, чтобы стать дочерью короля. Жизнь очень многогранна и совершенно ничего в ней не случается просто так, это я уже знала к своим двадцати шести годам. Поэтому я не забыла поблагодарить богов за то, что имею, за мою крепкую и счастливую семью, и выбросив глупые мысли о Талгесе и его выходке, отправилась в свои покои, чтобы предаться глубокому сну.

Глава 2

Ноющая боль в мышцах раздражала меня ничуть не меньше, чем острые солнечные лучи, терзающие мои сонные глаза. С трудом преодолевая усталость и свою всепоглощающую лень, я приподнялась на кровати и заметила, что Люси уже подготовила для меня брюки и кожаный жакет на шнуровке, а мой завтрак ждал меня в обеденной зоне. Должно быть, именно аппетитный запах заставил меня покинуть спальню и расположиться за круглым деревянным столом, застеленным светлой скатертью, спешно устроившейся на моих коленях. Сколько бы я ни просила подавать для меня на завтрак лишь небольшой набор блюд, просьбам моим слуги почти никогда не внимали, потому стол был накрыт, без малого, на четверо персон, каждая из которых имела бы ошеломительно большой выбор закусок. Отдав предпочтение нежным и сладким булочкам, что, я уверена, были лично приготовлены нашим почтенным поваром Эсмиральдой, я принялась завтракать. Насыщенный запах горячего свежеспечённого хлеба и мягкое тающее на нём сливочное масло со спелым, толсто нарезанным инжиром и сахаром — идеальное сочетание, способное вырвать меня из угрюмого расположения духа по утрам. В дуэте с обжигающе горячим чаем на травах и лимонными дольками, лучи солнечного света, танцующие по скатерти меж тарелок и чашек, уже успели изменить свои свойства с режущих на ласкающие, обратившись в обыкновенный источник тепла. Быстро собравшись и подготовившись к тренировке, я, допивая утренний чай, ещё раз полюбовалась внутренним двориком и отправилась к корпусам нашей охраны для того, чтобы хорошенько размяться. Талгес уже поджидал меня, вокруг суетились люди — утро для них начиналось со смены караула и проверки оружия и запасов.

— Доброе утро, Элс, — поздоровался Талгес, одетый в лёгкую для сегодняшней погоды рубашу — вчера ты подала мне хорошую идею: я предлагаю после короткой разминки направиться на дозорную стену, я покажу тебе, как мы несём караул. Как тебе моё предложение?

— Я надеюсь, это способ извиниться за вчерашние колкости?

— Ну разумеется, — широкая улыбка озарила лицо Тала и он подал мне знак рукой, предлагая начать тренировку.

После обстоятельной пробежки и разминки мы поупражнялись на мечях, а затем Талгес наконец-то предложил подняться на стену. Королевский замок, именуемый Эрдман, был построен более века назад. При его строительстве использовались крепчайшие из существующих на тот момент материалов, по рассказам Романа, без магии строительство не обошлось. Возможно, благодаря магии стены замка и по сей день защищают нас от врагов. Замок Эрдман был огромным в сравнении с обычными королевскими замками, половина города была охвачена его стенами, поднимающимися на десятки метров к небу. Горожане, особенно преклонного возраста, любили шутить, что замок строился великанами, хотя об их существовании в истории упоминаний я никогда не находила. Вообще королевство Шандри было очень мистическим местом, и с первого приезда сюда я заметила и полюбила эту атмосферу. Замки и города, леса, озера, животные — всё было пропитано загадкой, находилось в равновесии и умиротворении. Ночной Шандри поражал воображение, растения будто начинали жить своей жизнью и прокладывали себе дорогу в новую местность, еле слышно шурша под ногами, а камни в пещерах, коих здесь было не счесть, ярко светились теплым зелёным светом. Путешествуя по землям королевства и узнавая множество различных пугающих историй, покрытых тайной, я могла с гордостью называть себя народным сказателем. Многие из этих историй были связаны с замком Эрдман; в Салланаре я слышала самую страшную, но и самую будоражащую воображение причину постройки таких высоких стен — в древние времена Эрдман был крайним пределом на землях смертных. Граница Шандри и Лэхойза всегда была естественной — но раньше лес Осэйюс разделял континент на земли магов и земли смертных, а замок

Эрдман был пристанищем человеческой армии, защищавшей свою местность. Высокие и толстые стены помогали воинам в сражении с магами, потому что никак не раскрывали численности и состояния армий и вообще их присутствия в замке. Осэйюс же, служивший естественной защитой с языка народа Вискар, заселявшего земли Шандри сотни лет назад, в переводе означал «акулий скелет», потому что напоминал древним людям форму рыбьего костяка. Я с удовольствием и мрачным восхищением вспоминала эти детали, пока поднималась на стену и любовалась особенностями постройки и многовековыми зарубками, сделанными на стенах древними воинами. Проблем с попаданием сюда у нас не возникло благодаря тому, что все караульные знали мой упрямый характер, однако я была абсолютно уверена, что в ближайшее время отец узнает о моих похождениях. Но вид, который открылся мне, как только я ступила в коридорчик, предусмотренный для наблюдения за дорогой, подходящей к воротам замка, того стоил — он завораживал и удерживал моё внимание. Дорога к замку выворачивала из леса в нескольких километрах от ворот, а там, за резким поворотом меж деревьев виднелось море. Легкий бриз доносился и сюда, вплетаясь в мои распущенные волосы, принося с собой влажность и лёгкие капли начинающегося дождя.

— Это очень красиво, — все, что я сумела произнести Талу, повернувшись к нему лицом.

— Да, Алессия, это очень красиво, — вторил мне друг, и мы продолжили стоять в тишине.

Спустя некоторое время Талгес смог оторваться от созерцания моря и приступил к делу. Он вручил мне лук, повесил на меня колчан со стрелами и стал показывать из какого положения открывается лучший вид со стены на выходящую из леса дорогу. Луком я владела отлично, не знаю, зачем Тал так много внимания уделял тому, чтобы поставить меня в правильную стойку и рассказать, как снять нескольких противников, используя минимум времени. Примерно через полчаса Тал повел меня к другой стороне стены, откуда открывался вид на внутреннюю часть замка; он рассказывал о том, каким правилам необходимо следовать при несении караула, о позиции каждого караульного и его роли в общей цепочке защиты. Меня увлёк рассказ друга, и я в лишний раз убедилась, насколько хорошо он разбирался в деле, которому решил посвятить свою жизнь. Мои раздумья прервал громкий хлопок в дальней части замка, похоже, звук дошёл до нас из оружейного хранилища, но видно отсюда его не было. Как только я повернулась в сторону Тала, между нашими головами пронеслась стрела, напугав нас и заставив присесть, чтобы скрыться от обстрела. Меж караульных послышались крики, они сменяли позиции и готовились отразить обстрел, который вёлся с подъездной дороги. *«То есть нападавшие находятся прямо перед открытыми воротами?»* — эта мысль потянула меня к внешней стороне стены; я аккуратно выглянула в бойницу и увидела небольшую группу людей в доспехах и на лошадях. Около десятка из них направлялись к воротам; остальные прикрывали им спины и обстреливали дозорных. Без лишних промедлений я вынула стрелу из колчана и, поднявшись, стала стрелять в нападавших. Достать стрелу, вставая зарядить лук, отпустить тетиву, присесть. Достать стрелу, вставая зарядить лук, отпустить тетиву, присесть. Город начинал погружаться в панику, я слышала крики и стук лошадиных копыт по брусчатке. Мои стрелы поразили четырёх нападавших, ещё троих уложил Талгес, но потраченное нами время было использовано оставшимися бандитами с умом. Перебежав к противоположной стене, я увидела, как несколько всадников пронеслись мимо к самому центру оживлённой торговой улицы. В тот момент, когда я достала из колчана новую стрелу, движение по правую руку от меня заставило меня обернуться, и я увидела, как Талгес падает на пол со стрелой в сердце.

Я потеряла связь с реальностью, передвигалась по знакомым улочкам города по памяти. Мои глаза видят, уши слышат, но ничего дальше собственных вытянутых рук я не в состоянии различить. Страх парализовал все реакции, но он же вёл меня в родительские покои. Вёл нас в родительские покои. Вырвав из рук нападавших сестру, я отправилась искать родителей, таща

Марнию прямо за своей спиной, чтобы в случае необходимости принять удар на себя. Как в тумане мы преодолели путь от центральной улицы, на которой я спасла её от нападения, до дальней башни замка и через вход для слуг пробрались на цокольный этаж. Оценивая каждый свой шаг и прислушиваясь ко всем шорохам, мы поднялись на верхний этаж башни, где находился личный кабинет отца и спальня родителей. Все комнаты в четырёхэтажном здании мы проверили, пока поднимались, в надежде встретить маму и папу, однако удача нам не улыбнулась. Мы подошли к кабинету, я слабо толкнула дверь. Время остановилось, окружающий мир замолк и отошёл на второй план. Каждый новый вздох отзывался острой болью, а рыдания Марнии лишь подгоняли новые слёзы. В кабинете отца был абсолютный бардак, казалось не осталось ни одной целой вещи: ни мебели, ни коллекционного оружия, ни одного не разбитого сердца...

На полу кабинета я увидела два трупа, отец заграждал нападавшим подход к матери, он грудью закрыл её от убийц, но и это не спасло её... не спасло их обоих. Правители Шандри были жестоко убиты в собственном доме; их тела легко было узнать, так как лица преступники не тронули, но остальное... сложно представить, какой жестокостью нужно обладать, чтобы от их тел остались лишь кусочки. Складывалось впечатление, что их пытали, некоторые части тел были отделены и разбросаны по полу, кровь покрывала буквально все поверхности своими тёмными брызгами. Я сделала шаг внутрь кабинета.

— Элс, что нам делать? — голос Марни дрожал, она вцепилась в мою руку. — Они не дышат, ведь так?

— Нет, Марни, — проговорила сдавленным голосом я и, выглянув в коридор, прикрыла дверь кабинета, убедившись, что нас никто не преследовал.

Пока я оглядывалась в коридорах, Марния бросилась к телам родителей, боясь, но одновременно стараясь прикоснуться в последний раз. Слёзы не давали ей дышать, мне тоже. Я приблизилась к телу отца, вода на щеках оставляла солёные горячие прорези. Несмотря на внешнюю сдержанность, я с трудом контролирую своё тело и приседаю рядом с папой.

— Папочка, боги, что же случилось? — рыдая над телом отца, гневалась я.

Я дотрагиваюсь до его лба, он ещё тёплый, губы совсем розовые, а глаза словно ещё не покинула жизнь. Мне хочется верить, что это просто нереально и он сейчас взглянет на меня своим суровым взглядом...

Значит, убийцы ещё совсем рядом.

— Марни, — обратилась к сестре я, — это единственная возможность попроситься, если ты хочешь, то ты должна сделать это сейчас.

Взглянув на сестру, я ощутила боль в сердце, Марния была совершенно разбита и вообще не понимала, что с ней разговаривают. Тогда я приблизилась к ней, взяла за руку и подвела к матери.

— Присядь, Марни, — предложила я.

Марни замотала головой и попятилась назад, она была слишком напугана, чтобы понимать, что в действительности происходит. Я присела на корточки рядом с телом матери, все сапоги были в крови родителей, пусть мать и не была мне родной, я всё равно её любила и чувствовала такое опустошение от её потери.

— Мамочка, спасибо тебе, прошу, прости меня за всё, — прошептала я и вернулась к Марс, уже стоявшей у двери в кабинет с остекленевшим взглядом.

— Пойдём, Марни, нам нужно уходить, — сказала я и подошла к балконным окнам, чтобы проверить пути для отхода.

Окна из отцовского кабинета выходили на две противоположные стороны — на внутренний двор и на отдельную личную зону семейства Шандри с одноэтажным домом для отдыха. Оттуда можно было попасть в охраняемый участок леса, которым мы с родителями часто пользовались, желая провести время вместе в тишине и спокойствии. Я убедилась, что на пути к

лесу нас не поджидает вооруженная армия, ну а с парой стражников в укрытии мы должны справиться. Мы должны. Взяв меч, принадлежавший королевской страже и покрытый кровью родителей, я подхватила под локоть сестру и повела её вниз по закрытой лестничной площадке, которой редко пользовались и о которой мало кто знал. Холодные сырые стены будто сужались с каждым нашим шагом по скользкой лестнице. Темнота и запах смерти преследовали нас на протяжении всего пути вниз. Спустившись на первый этаж башни, я осторожно выглянула на улицу, убедившись, что путь чист, и повернулась к Марс.

— Хэй, дорогая, сейчас мы побежим в лес, мне нужно, чтобы ты была тихой, нас не должны заметить.

Я смотрела в лицо своей сестре, ожидая, что та кивнёт, но она не двигалась. Стояла неподвижно, словно не слышала меня.

— Блять, — буркнула я и осторожно, взяв Марни под руку, повела её на улицу.

Мне оставалось только надеяться на то, что Марния хоть немного сохранила крупницы здравого смысла и не станет кричать, если что-то напугает её. Мы двигались быстро и тихо, перебежками от стены башни к беседке, затем к лабиринту из роз, что растила здесь мама, и к самому дому для отдыха. Внутрь заходить было опасно, также опасно, как и находиться снаружи, но за пределами стен было больше пространства для манёвра и потому, решая всё-таки не заходить внутрь дома, мы вдоль северной стены дома направились сразу в лес. Нам удалось скрыться; по лесу мы с сестрой бежали без оглядки, каждая минута промедления могла стоить нам жизни. Некоторое время я слышала только топот наших ног, шум травы и ломающихся веток, стук своего сердца. Через полчаса непрерывного бега Марния стала запинаться, испуг, что поначалу подгонял её и не давал накатывать усталости, уже прошёл и теперь Марс тяжело дышала, собирая на пути все кочки. Я остановилась, потому что тоже устала, хоть и ещё не валилась с ног, тренировки сделали меня выносливей, но продолжать бежать сейчас мы не могли, сестра была слишком шумной.

— Давай немного отдохнём и пойдём пешком, пока снова не восстановим силы, — сказала я, запыхавшись, ожидая от сестры ответа.

Марния подняла взгляд на меня и кивнула, меня это обрадовало, первая реакция после той ужасной сцены в башне — уже хорошо. Физические нагрузки всегда помогают прочистить мысли. Оглядевшись, я объяснила Марни, где мы находимся и в какую сторону теперь следует двигаться. Я хоть и верила в лучшее, но понимала, что если на нас нападут, то я грудью закрою Марни и дам ей время на побег, задерживая нападавших. Марни — настоящая наследница престола, родной ребёнок Романа и Стелларии, поэтому спасение истинной наследницы — моя первоочередная задача. Зная, куда бежать, у сестры будет больше шансов на спасение, так что я потратила некоторое время, чтобы ввести её в курс дела.

Ещё час мы шли пешком, разговор не завязывался, тишина подчёркивала нашу разбитость. До пограничного леса оставалось примерно шесть часов пути, в нем можно без проблем укрыться, он окутан тайными проходами и пещерами, территория вблизи замка такого ландшафта не имеет, разумеется. По моей просьбе мы снова перешли на бег и сократили расстояние до своего пункта назначения в половину. Начинало темнеть, до леса оставалось ещё часа два-три пути и мы решили не останавливаться, а дойти до леса и укрыться в его пещерах. Глубокой ночью мы нашли укрытие; пещеру я выбирала тщательно, с расчётом на то, что вход в неё не будет виден при подходе со стороны замка. Огонь зажигать было нечем, да и незачем. Опасность была слишком высока, чтобы рисковать, привлекая к себе лишнее внимание. Мы устроили себе подстилку из веток хвойного дерева, обнявшись, легли на холодную землю, подстилка помогала слабо, но других вариантов не было.

Ночь прошла спокойно; я всегда спала чутко и просыпалась от любого шороха, но этой ночью ничего не тревожило мой сон. Даже птицы или животные, что ведут ночную жизнь, не стали причиной для бессонницы.

Глава 3

Утро началось с обследования близлежащих земель, я собрала ягоды, пока совершала обход, и, скромно позавтракав, мы снова отправились в путь. Мы преследовали цель пересечь границу с землями смерти, оставаться в Шандри было нельзя, бежать к югу тоже — слишком большое расстояние и риск встретиться с нападавшими. Что делать, переступи мы границу, было пока не ясно, так же, как и то, кто стоял за нападением на нашу семью. Однако самая страшная ошибка, которую мы сейчас могли совершить, — это остановка. Любой выбор был в перспективе лучше, чем его отсутствие. Поэтому, не оглядываясь назад, мы двинулись в сторону Лэхойза. Через три часа пути устроили небольшой привал, до важного для нас рубежа оставался максимум час, и мы обе понимали, что несмотря на страх и вынужденную необходимость покинуть свой дом, уходить было трудно. Решение отдохнуть было продиктовано не только усталостью, но и желанием совсем немного потянуть время и этот выбор стал ошибкой. За моей спиной что-то треснуло, ветка хрустнула так, как будто на неё наступил кто-то большой, а затем прекратил движение, словно осознавая, что привлёк к себе внимание. Животное о таких вещах заботиться не может, оно продолжает идти и почти всегда наступает задними лапами на ту же ветку, чем раскрывает себя. Но сейчас второго хруста слышно не было. Я встала с земли и достала меч из ножен. Звук шёл со стороны пограничного леса, я давно не бывала здесь и не знала могли ли чьи-то пограничные войска находиться в этом лесу. Одинаково плохо — будь это воины Шандри или будь это воины Лэхойза, никто не должен знать о том, что наследница жива, пока мы не разберёмся кто напал на нашу семью и убил родителей. Звук повторился, но меня это не успокоило, это не зверь, слишком большой интервал между движениями. Я подозвала к себе сестру и велела спрятаться за своей спиной, при этом наказала повернуться в сторону замка и следить за происходящим. Никаких звуков я больше не слышала, а потому потянула Марс за руку и двинулась в сторону границы. Сейчас мы проверим, был ли здесь кто-то и заодно приблизимся к нашей цели, до Лэхойза совсем немного.

— Тал, — на выдохе с большим удивлением произносит Марния. Я резко оборачиваюсь и вижу, как раненый Талгес еле плетётся, но идёт в нашу сторону.

— Талгес? — я зову его проверяя, соображает ли он в каком он состоянии. Не уверена, что он должен сейчас вообще ходить.

Его рубашка залита кровью, из груди больше не торчит стрела, её он достал, как я предполагаю, поэтому столько крови.

— Я думала, ты мёртв, боги! — я бросаюсь в его сторону и подхватываю под руку позволяя здоровым боком опереться на себя.

— Я тоже так думал...как и нападавшие, очевидно, — с трудом говорит он — но я очнулся и, открыв глаза, увидел...только стрелу, торчащую из меня, а ещё столбы...чёрного дыма над замком.

— Вы молодцы, что сумели сбежать, — продолжает он. — Я шёл по твоим следам Элс. Ты слишком наследила, глупая, — едва дыша, говорит друг, и уголок его рта приподнимается в попытке улыбнуться.

— Мы бежали, — словно в оправдание говорю я, — особенно у самого замка: от страха мы совершенно не думали о своих следах.

— Ладно, хорошо уже то, что я нашёл вас живыми. Куда вы бежите? — спрашивает Тал и я объясняю ему, что основная наша цель покинуть Шандри, а дальше будем смотреть по обстоятельствам.

Несмотря на то, что Талгесу очевидно очень тяжело передвигаться, он не произносит ни звука и терпеливо двигается с нами в сторону земель смерти. Спустя ещё некоторое время мы пересекаем черту, отделяющую Шандри от Лэхойза и натываемся на дозорный пункт пригра-

ничных войск — небольшую казарму, которая служит воинам для ночлега. Окон в ней всего два, солдат тоже не видно и не слышно.

— Марни, останься с Талгесом — обращаюсь к сестре — я проверю есть ли кто-то внутри и вернусь.

Талгес пытается протестовать, но я напоминаю ему, что он серьезно ранен и не сможет передвигаться быстро и бесшумно. Мои аргументы убеждают его и он остается с Марс скрываясь за деревьями, а я осторожно двигаюсь к казарме. Она выглядит хлипкой, сколочена из старых досок, меж которых гуляет ветер. От времени доски стали серыми и хрупкими, очевидно этой казармой уже не считают возможным пользоваться ни как укрытием, ни как местом для ночёвки. Я решаю, что именно по этой причине она пустует. Аккуратно, чтобы не издать ни звука, поднимаюсь по лестнице крыльца к заднему входу в лачугу, приоткрываю дверь. Передо мной открывается длинный коридор, в конце которого дверь, выводящая наружу, но с противоположной стороны — оттуда открывается вид на дорогу, по которой границу можно пересечь на повозке или лошадях. По обеим стенам коридора располагаются дверные проемы, однако самих дверей нет. Пройдя несколько метров я поняла, что это были небольшие комнаты со спальными местами для солдат. В передней части казарм два помещения побольше, они находятся напротив друг друга и оба с окнами. Одна комната по левую руку, другая по правую. В одной комнате подобие столовой, посередине стоит большой стол, а в углу очаг для приготовления пищи. Во второй комнате оружейная или комната дежурного, там тоже есть стол, но поменьше и он завален бумагами и журналами. Судя по слою пыли дозор здесь уже давненько никто не нёс, поэтому оглянувшись и проверив коридор ещё раз я вышла на улицу, чтобы подать знак Марни и Талгесу. Они с осторожностью двинулись к казарме и через пару минут мы уложили Талгеса на несколько матрасов в самой близко расположенной к задней двери комнате. Мы с сестрой стащили ещё несколько старых матрасов в наше укрытие и расположились в противоположном от Тала углу. Ночь обещала нам отдых и сон, чему мы несказанно радовались. Пока не стемнело я отправилась в лес и собрала ягод, грибов и мне даже удалось завалить зайца при помощи кинжала, я сама не верила, что у меня получится, но, видно, боги на нашей стороне сегодня. Я собрала хворост, затем двинулась в казарму и прихватила бумаги из дозорной. Перетащив очаг из столовой в противоположную нашей комнату я устроила там настоящую кухню — на маленьком огне приготовила нам мясо и грибы, на десерт мы поели ягод. У Талгеса была небольшая фляга воды, из которой мы предусмотрительно сделали всего по несколько глотков. Затем, оставив Тала одного, мы с Марнией совершили ещё одну вылазку в лес, я попросила сестру поискать какие-нибудь травы, которые смогут облегчить боль моего друга и остановят воспаление. А ещё нам была нужна вода. Марс прекрасно справилась со своей задачей, и уже через двадцать минут мы возвращались к лачуге с полными руками непонятной мне травы и наполненными водой котелками.

— Элс, ты рассказывала мне куда мы направляемся не просто так — начала Марни — ты хочешь, чтобы в случае твоей смерти я знала в каком направлении бежать. Слова сестры заставили меня резко остановиться и она сделала тоже самое.

Мы уставились друг на друга, но я не намерена скрывать что-либо от неё, я всегда говорю о своих намерениях напрямую и ей это известно. Однако сейчас Марни не искала у меня подтверждения своих слов, она выпалила эту информацию как утверждение, и поэтому продолжила:

— Я тоже хочу, чтобы в случае моей смерти ты могла позаботиться о себе или о ком бы то ни было, поэтому я хочу объяснить тебе, какие травы мы собрали и прошу тебя проследить за тем как я буду готовить отвар и мазь.

Надо сказать, я опешила. Я не ждала от сестры такого. Взяв меня за руку и пользуясь моментом моего замешательства она продолжила идти к лачуге, почти шепотом рассказывая о том какие травы у нас в руках. Затем я провела некоторое время за наблюдением: Марс

уверенно отделила корешки от растения, которое назвала Салмат, и оставив только листья, порвала их на мелкие кусочки и бросила их в небольшую чашку, что мы нашли в здешней столовой. При помощи вилки сестра стала превращать растение в кашицу.

— Это несложное, но утомляющее занятие — с улыбкой пробормотала Марни — тебе потребуется немного упорства и времени, тогда эти обрывки листьев превратятся в кашицу, которую нужно поместить на рану больного через тонкий кусочек ткани.

Она с таким усердием мяла листья и продолжала рассказывать мне о том, какие растения могут послужить аналогом Салмата, что мы и не заметили, как мазь была готова. Я с удовольствием наблюдала, как близкий мне человек занят приятным для него делом. Я радовалась, что Марни отошла от шока, что старается выдерживать тяжёлый груз этих событий, что прилагает усилия. Моя сестра, хотя и была мягкосердечной, умела быть также целеустремленной и настойчивой.

— Теперь Фарфелия, — продолжила она моё обучение и взяла ярко-зеленый мох, который мы сняли с деревьев — с ней нужно быть очень аккуратной и давать только небольшие дозы, а отвар обильно разбавлять водой. Фарфелия даст телу отдых, заставит человека уснуть, но в больших количествах может лишить рассудка.

Мои брови поползли вверх и Марс тихонько захихикала.

— Быть лекарем не так уж и скучно, не так ли? — продолжила она и мы вместе начали тихонько смеяться.

Напряжение оставило Марс на время, работа с травами всегда приносила ей умиротворение, однако я не разделяла её чувств. В груди предательски заныло, глаза начали жечь слёзы. Все это было так похоже на мою мать, она учила меня приготовлению лекарственных зелий многие годы, но Марни не знала об этом, также как и не понимала, какие чувства во мне вызывает такое времяпрепровождение. Это ощущение было и болезненным и приятным, я почти физически ощущала связь с этим прекрасным человеком рядом со мной. Она, сама того не осознавая, а может и наоборот, дарила мне силы.

— Пойдем к Талгесу и окажем бедолаге хотя бы какую-то помощь — вырвав меня из размышлений сказала сестра и взяла меня за руку когда мы двинулись в комнату к мирно спящему Талу.

Как только я переступила порог он раскрыл глаза и убедившись, что ему ничего не угрожает закрыл их снова. Мы все безумно устали сегодня, поэтому сразу после того, как сестра наложила на рану Тала мазь и дала выпить отвар Фарфелии мы решили, что пора отдыхать. Я осталась на страже, а друзьям наказала спать. Ночь была очень тихой и безветренной, усталость перекрывало чувство ответственности за жизни дорогих мне людей. Я не смогла спасти родителей, но я могу спасти сестру, могу спасти Тала. Это минимум, которого я от себя жду.

— Ты слишком громко думаешь, Элс, — услышала я шёпот друга. — Я проснулся от того, как крутятся мысли у тебя в голове, — продолжает насмехаться надо мной Тал.

Наверное, мне должно подбодрить его и ответить шуткой, в конце концов именно он из нас троих ранен, но в голову не лезет никакого ответа. Я перевожу на него взгляд:

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я.

Лицо Тала перекашивает от боли, когда он пытается поднять руку и показать мне жестом, что все хорошо. Я вздыхаю, понимая, что совершенно бессильна сейчас и не могу ему ничем помочь. Осторожно, чтобы не разбудить сестру я переползаю с нашей импровизированной кровати поближе к Талу.

— Позволь посмотреть — я протягиваю руку к его рубашке спрашивая разрешения.

Сначала он хватает меня за запястье, останавливая, но спустя несколько мгновений отпускает руку и едва заметно кивает. Я осторожно приподнимаю его рубашку, она достаточно свободная, чтобы я смогла заглянуть под нее и увидеть рану. Она находится в нижней части плеча, практически в его груди. Компресс Марнии остановил кровотечение и ткань, которой

перемотано его плечо, почти не покраснела от крови, только небольшое пятнышко видно над местом, куда его пронзила стрела. Марни хорошо о нем позаботилась, на груди и спине теперь компресс с Салматом, крепко прижатый узкими тряпками, которыми мы заменили бинты. Мы также смогли найти в казармах чистые вещи, поэтому сейчас Тал уже в чистой рубашке и мы оба знаем, как это важно, избавиться от любого напоминания о том, что ты истекаешь кровью. Иначе это станет первым, что будет подрывать твою веру в то, что ты сможешь выжить.

— Всё лучше, чем я думала, завтра утром будешь как новенький — подбадриваю я друга.

— Не говори ерунды, Элс — речь прерывается кашлем — будет чудом, если завтра я смогу продолжать идти.

— Я знаю, что ты не станешь выбивать себе еще день отдыха, хотя это именно то, что тебе нужно — с легким укором говорю я.

— Конечно, не стану! Ваши жизни в опасности, я не настолько глуп — басит Тал — вы отправитесь в путь без меня, я проведу здесь еще некоторое время, а потом нагоню вас.

— Нет, это невозможно, ты не догонишь нас в таком состоянии!

Тал хватается меня за подбородок и заставляет посмотреть ему в глаза:

— Если ты не заметила, я это уже сделал — с толикой высокомерия шепчет Тал и уголок его рта поднимается в улыбке.

Ещё на секунду наши взгляды сцепляются, и я принимаю его позицию. Вырываю лицо из его хватки и укладываюсь рядом, а он продолжает:

— Мне тяжело отпускать вас, но задерживать еще тяжелее. Я знаю, что вы прекрасно справитесь и без меня — твоя задача спасти свою жизнь и жизнь твоей сестры — на мгновение он замолкает, обдумывая дальнейшие слова — Моя работа — принимать удары, которые предназначены вам. Я не имею права уклоняться, иначе какой из меня стражник?

Я ловлю на себе его взгляд и понимаю, что он абсолютно серьезен сейчас.

— Поэтому — продолжает он — если я могу дать вам возможность ускорить свой побег и тем самым спасти свои жизни, пока я тут зализываю раны, — я это сделаю.

Тал не видит для себя большей чести, чем принести в жертву свою жизнь ради нашего спасения. Я знаю, что это качества, которыми в идеале должен обладать каждый стражник короля, но в действительности, не все могут без сожалений отдать свою жизнь. Чаще всего перед смертью человек отрекается от навязанных ему идеалов и возвращается к единственному оправдываемому порыву — смерти ради своей семьи, возлюбленных, но не ради королей и их детей. Мне нечего ответить моему другу, поэтому остаток ночи мы проводим в тишине. Тал быстро засыпает, а я продолжаю лежать рядом и прислушиваться к звукам из темноты. Ближе к рассвету я разбудила Марнию и оставила на карауле её. Моя сестра хоть и не умела сражаться, слышала она прекрасно и могла предупредить нас о незваных гостях. Несколько часов сна были необходимы мне, чтобы защитить её, чтобы я смогла довести нас до безопасного места. Позже, утром, когда Марни будит меня я понимаю, что приняла верное решение на этот раз и сон пошел мне на пользу. С раннего утра сестра уже позаботилась о ранах Талгеса и поменяла повязку. Обговорив с ним детали и место встречи, мы с сестрой покидаем казарму, оставляя его одного. Меня не покидает чувство того, что это не правильно. Кажется, словно видя дорогу, я почему-то все равно сворачиваю на непротоптанную тропинку, однако, я доверяю Талу и не могу не согласиться с ним. Между жизнью своей сестры и его жизнью я смогу выбрать только один вариант и это не он. Поэтому, обнадеживая себя тем, что действую по верным мотивам я отпускаю эти мысли и мы с Марни продолжаем свой путь во владения Лэхойза.

Мы с Марни падаем на землю и громко хохочем, задыхаясь и едва в состоянии произнести хоть слово. Нам давно не было так смешно, что мы схватились за животы, но сейчас мы словно компенсируем упущенное время и наслаждаемся такой простой возможностью — посмеяться. У нас практически нет поводов для смеха, мы в бегах, наши родители мертвы, а

страна захвачена. Талгес пропал, он не пришел к оговоренному месту, мы ждали его два дня, но затем двинулись дальше. Сейчас мы в глухом лесу у небольшого озера и мы испугались утки, которую приняли за солдата местной армии. Иногда человек прикрывает смехом свои истинные переживания и я думаю, сейчас именно такой случай. С момента нападения прошло четыре дня, четыре дня в напряжении и страхе, четыре дня без улыбок и с чувством потери привели нас к тому, что мы смеемся над собственной до паранойи обостренной осторожностью. Спустя время мы выравниваем дыхание и успокаиваемся, взглянув на сестру я понимаю, что дурное настроение вернулось к ней по щелчку пальца, как и ко мне. Улыбка сползла с наших лиц, и мы вновь потеряли всякие причины для веселья.

— Давай заночуем у озера — говорит мне Марния — здесь красиво.

— Я осмотрюсь и скажу тебе сможем ли мы здесь остаться. Пойдем, присядь вот здесь — я оставляю сестру в надёжном, по моему мнению, месте, её не видно со стороны леса, лишь со стороны озера, а сама отправляюсь на обход территорий, чтобы понять, сможем ли мы найти здесь безопасное укрытие. Мои мысли заняты Талом, мне страшно признавать, что он мог погибнуть, еще страшнее думать о том, что мы могли бы вернуться за ним. Я осматриваю лес на предмет наличия пещер или развалин достаточного размера, чтобы обеспечить нам защиту и прикрытие тыла. Таких мест здесь не так много, сейчас мы практически под открытым небом, не считая этого леса. Мы двигаемся по южной кромке земель Лэхойза, здесь более мягкий климат, но и шансы встретить людей выше. Однако, двигаться на северо-восток мы позволить себе не можем, так как просто не переживем здешние зимы. Там вечный снег, мы и дня не протянем. Мои мысли прерывает крик сестры. Я срываюсь с места и со всей доступной мне скоростью несусь к месту, где оставила её. Признаться, я не предполагала, что могу бежать так быстро, даже меч, который я достаю на подходе к озеру не замедляет меня. Но, когда я вижу людей, схвативших мою сестру — останавливаюсь как вкопанная. Ступор и непонимание, должно быть, отражаются на моём лице, и вперемешку с моей резкой остановкой дают противнику понять, что я растерялась.

— Да, да, милая Алессия, я понимаю, что ты не ожидала такого, — обращается ко мне молодой парень с длинными вьющимися темными волосами. На его шее из-под кожаной рубахи выглядывает витиеватая татуировка, которая делает его еще более суровым, хотя и выражение его лица не оставляет иного впечатления. С ним пятеро вооруженных солдат, что выстроились за его спиной. Все они одеты в одежду тёмного серого цвета, серебряные нашивки безошибочно намекают на солдат армии наших соседей, но их воинственный настрой подсказывает мне, что мирных мотивов они не преследуют. Марния сидит на коленях у ног этого парня и плачет, её губа разбита и из неё струйкой стекает кровь. Я возвращаю свой взгляд на незнакомца и медленно подхожу ближе, увереннее перехватываю меч и говорю:

— Не знаю, кто ты такой, но очевидно, кто мы, тебе известно — ровным и спокойным тоном я обращаюсь к нему, делаю небольшую паузу — из чего следует, ты прекрасно осознаешь с какими последствиями столкнешься нападая на единственную законную наследницу трона Шандри.

Лицо парня пересекает острая улыбка, зловещая улыбка и он издаёт смешок.

— О Алессия, я не просто осознаю, что делаю, я спланировал то, что я делаю. Ни ты, ни твоя сестра не находитесь здесь случайно.

Я понимаю, что этот мужчина связан с нападением на Шандри, и мне интересно, кто он такой.

— Если ты в состоянии планировать свои действия, думаю, ты достаточно образован, или представляться тебя не учили? — мои слова пропитаны ядом, но я вижу, что моего оппонента это лишь забавляет — кто ты такой? — громким и уверенным голосом говорю я.

— Я тот, кто закончит начатое и лишит Шандри любых шансов на восстановление независимости. Видишь ли, Алессия — продолжает он и произносит мое имя так, словно пере-

катывает слова на языке, медленно и с чувством — твоя прекрасная сестрица должна была погибнуть еще в стенах замка, но кое-кто не справился со своей работой.

Сестра всхлипывает и пытается отползти от своего пленителя, но он лишь сильнее хватает ее за волосы и притягивает на место. Поначалу я думаю, что он говорит о своих солдатах, когда чуть поворачивается назад произнося эти слова, но затем я вижу лицо человека, что стоит за их спинами и моё сердце словно пронзают стрелой.

— Талгес, хватит прятаться, подойди и уведи свою возлюбленную в безопасное место. Мне не хочется, чтобы она порезалась, когда станет плакать с этим мечом в своих руках.

Я не верю в происходящее, стою и хлопаю глазами как дурочка, пока мой друг выходит из-за спины незнакомца и направляется в мою сторону. Однако, рефлексы срабатывают сами по себе и как только он делает несколько шагов в мою сторону я меняю стойку и направляю меч в его сторону, давая понять, что теплого приема он не получит и моим состоянием воспользоваться тоже не сможет. Тал останавливается, теперь он стоит почти на одном уровне с моей сестрой, и я понимаю, что у него есть шанс спасти её. Может быть он спланировал это и сейчас перережет горло этому дерзкому придурку. Но Тал стоит неподвижно и смотрит на меня печальным взглядом. Я возвращаю себе способность говорить:

— Сколько тебе нужно? — обращаюсь я к незнакомцу — ты получишь столько золота, сколько захочешь.

Смех этого молодого мужчины звучит так, словно кто-то ведет ножом по льду, холодно и зловеще. Всё это слишком: Талгес за его спиной, плачущая Марни, я бессильна, я одна. Брошена на растерзание волкам. Прохожу проверку своих возможностей. Это несправедливо, это больно, я устала терять! Устала страдать! Устала лишаться опоры, быть словно растение без корней. Каждый раз когда я нахожу семью, её у меня отнимают и их жизни ускользают словно песок сквозь пальцы. Я никогда не могла никого спасти. Чувства заволакивают разум, гнев огнедышащим драконом взмывает в небо и лишь усиливает мою злую вспышку.

— Или ты хочешь, чтобы я убила тебя? — смех мужчины прекращается, и он обращает свой заинтересованный взор на меня. — Я перережу твою глотку, и ты будешь захлёбываться собственной кровью, пока понимаешь, что умираешь, — до остервенения злобно шепчу я, но он всё слышит, это видно по его лицу.

В этот же момент мужчина хватается Марнию за волосы, подтягивая повыше к себе и оголяет ее шею. Одним быстрым движением он перерезает ей горло. Всё. Кровь бурной рекой вырывается из тела сестры и пропитывает ее одежду, стремясь уничтожить всю человечность во мне. Я бросаюсь к сестре стараясь остановить этот ужас, но тщетно. Я обнимаю Марни и поддерживаю ее голову, из моих глаз льются слёзы, каждый вздох дается с трудом, боль будто вязкая жижа накрывает меня с головы и мучительно медленно опускается, прощупывая каждый миллиметр тела. Вокруг нас с сестрой, сидящих на земле, толпятся вооружённые воины, их мечи наготове с того момента, как я бросилась к Марнии, но меня не беспокоит ничего, кроме взгляда на меня этих голубых глаз, моих любимых глаз моей любимой сестры.

Боже, как больно! Я вижу, как её взгляд затуманивается, она будто хочет что-то мне сказать, но с каждой попыткой вздохнуть я слышу лишь хрип и брызги ее крови летят в мое лицо. Нет, пожалуйста, нет, только не Марни, пожалуйста!

— Так ты хотела, чтобы я умер? — спрашивает убийца. — Захлёбываясь собственной кровью? Как она сейчас? — с улыбкой на губах говорит незнакомец, продолжая смотреть как я разваливаюсь на кусочки держа в объятиях уже мертвое тело своей сестры. Мир погружается в темноту, я кладу тело Марни на землю, поправляю ее волосы, убирая их с лица и закрываю ее чудесные голубые глаза.

Я оставляю поцелуй на ее щеке и поднимаю взгляд на незнакомца, все словно окрасилось в черно-белые оттенки, серость и безжизненность окружают меня сейчас. Я не слышу ни пения птиц, ни журчания воды. Я вообще не чувствую своей связи с этим миром, все, кто был мне

дорог, мертвы. Может быть из-за того, что я молчу, а может быть из-за своего тщеславия этот глупец все же называет мне свое имя. Наклоняясь ко мне поближе он говорит:

— Приятно познакомиться, Мервенна Нионская. Меня зовут Эдриель Балдорф, — дикая улыбка расплывается по лицу убийцы моей семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.